

Песня Кенена

Народному акыну Кенену Азербаету в этом году исполнилось бы 120 лет

Эдуард Мацкевич, заслуженный работник культуры республики

Принято считать, что поэты творят по вдохновению. Но это захватывающее чувство руководит ими далеко не всегда. Нередко это причастность к большим делам или осознанная необходимость. Или просто социальный заказ.

Принято считать, что поэты творят по вдохновению. Но это захватывающее чувство руководит ими далеко не всегда. Нередко это причастность к большим делам или осознанная необходимость. Или просто социальный заказ.

Недавно на одном из каналов республиканского ТВ один милый седой человек откровенно и добродушно рассказывал аудитории, как великий Джамбул напел ставшие историческими строки «Ленинградцы, дети мои». Там, в Кремле, решили, чтобы акыны, ашуги, сказители поддержали своим словом из народа пульс блокадного Ленинграда. К Джамбулу, в частности, для этой цели направили сильного московского поэта в качестве переводчика. Возможно, так оно и было. Но стихи акына тогда прогремели на весь мир. Они несли огромный эмоциональный и политический заряд. Можно ли это назвать социальным заказом? У акына любимый сын ушел на фронт и не вернулся. И мог ли Джамбул не выразить эту боль через сердце?

Мне пришлось участвовать при рождении песни-обращения в иные годы и в иное политическое время. Нас было четверо: литературовед академик Мухамеджан Каратаев, поэт и переводчик Алексей Брагин, заведующий отделом литературы «Казахстанской правды» — мой отец Олег Мацкевич, и автор этих строк — тогда сотрудник республиканской молодежной газеты «Ленинская смена». Мы разместились в одной «Волге». Цель поездки в аул у подножья Курдайского перевала — встреча с народным акыном Кененом Азербаетовым. Мы ехали с надеждой попросить его напеть послание к украинскому народу по поводу намечающейся Декады казахской литературы и искусства в Киеве. Тогда это было привычным делом. А поэтическое обращение к друзьям — хорошей народной традицией.

В Матыбулаке, где он родился, его уважали не только как председателя первого аулсовета. Всю свою жизнь этот убеленный сединой человек не расстается с домброй. Его песню о маленьком пастухе, который жалуется жаворонку на горькую судьбу, о мальчишке, которому конем служит белая палка, о куцей сивке «Кок-шоллаке», за которую отцу Кенена, Азербаету, пришлось три года пасти овец, — эти первые песни, исполненные маленьким акыном на крохотной детской домбре, уже почти семь десятков лет любят и поют в Семиречье, Киргизии, Узбекистане, Монголии.

Когда Кенен был моложе, он мог совершать многосуточные переходы, кочуя с чабанами по степи, шагая от аула к аулу, слушая известных жирши и серэ. В песне жаворонка, посвисте ветра, сухой траве и топоте табунов искал он мелодию. Он ищет ее всю жизнь в радости и в горе, он ищет большой, великий смысл в окружающем. Во время войны его слова были беспощадны: «Язык мой, будь пулей врагам, пой, пой!» Он называл юных воинов, вернувшихся с фронта, цветами аула и не находил среди этих цветов своего сына Жанарбека, пропавшего без вести. Кенен говорит, что молодежь пробуждает его думы, и он не замечает старости.

Раньше, сев на коня, за один дневной переход через цветущую маками степь Кенен

попадал к своему другу и учителю Джамбулу. Они сидели с ним на одной кошке, стремя в стремя объезжали колхозные поля, и в яблоневом саду у синей вершины Майбулака на вечерней заре оживала домбра. Джамбул подарил Кенену как способному ученику свой пояс, желтый кожаный пояс с серебряной чеканкой.

Давно не стало Джамбула — оплакала его степь, отзвенели по нему печальные кюи, и расписанный орнаментом мавзолеей встал над могилой, как песня, застывшая в камне. Кенен свято берег в памяти доброе для него прошлое, все, что связано с ним: и книги, и вещи, и традиции, и старых друзей принимал, как родных братьев. Так, как принимал их когда-то великий акын.

В тот день он оседлал Айгасака и выехал на Семиреченский тракт. Кенен легко держался в седле, белая борода его развевалась, встречные снимали перед ним шапки. На перекрестке дорог он осадил коня и застыл, как одинокое дерево. Ждал гостей из Алма-Аты, и когда ветер с Курдая распахивал его чапан, на солнце сверкал пояс Джамбула.

Кенен-ата очень похож на мудрецов, которых изображают на древних фресках и описывают в старых восточных сказках. Длинное, вытянутое сухое лицо, орлиный с горбинкой нос, тяжелые веки, узкая раздвоенная борода, на макушке крохотная зеленая шапочка.

— Салам, айналайн, — он обеими руками пожимает протянутую ладонь и колючими усами прикладывается к щеке. Руки у него коричневые, сильные, с тонкими длинными пальцами:

— Как дорога, как семья, как скот?..

Гости сидят на кошке в прохладной комнате: казахский писатель и русский поэт-переводчик, который дружил с Джамбулом и не раз переводил Кенена. Они вспоминают годы, которые пронесли стремительной байгой, они вспоминают время напряжения, томительного ожидания и большого взлета казахской песни, когда плеяду одаренных акынов возглавлял великан народной поэзии Джамбул.

...1937 год. Джамбул, Кенен и его гость Мухамеджан Каратаев — в Тбилиси на пленуме правления Союза советских писателей. Пленум посвящен празднованию 750-летия поэмы «Витязь в тигровой шкуре». На торжестве много известных людей. Джамбул спел свою песню о Шота Руставели.

Кенен молча ходил с домброй, чувствовалось, что хочет он что-то сказать. Акын-импровизатор может только во весь голос высказывать свои впечатления и чувства, он не привык мурлыкать себе под нос, он поет для людей, для многих людей, он должен видеть их лица, слышать возгласы одобрения или огорчения. Поймут ли его? Кенен робел выступать после Джамбула. Но все-таки запел. Запел в вечерний час, когда тбилисские предгорья окрасились в малиновый цвет, когда появился на веранде со своей трубкой Алексей Толстой, когда Павло Тычина и Микола Бажан закончили беседу с Джамбулом, и все жители маленькой гостиницы вышли полюбоваться на закат. Домбра высоко повела мелодию, плавно и нежно, она уже там, в синеве, где купается жаворонок, вот она падает вниз, на землю, касаясь крылом ковыля на старом кургане... Он пел о колхозных отарах Матыбулака, о родном Джетысу, пел о братстве народов, о Пушкине и Лермонтове, которых когда-то ссылали на Кавказ. А он, акын Кенен, приехал на Кавказ как почетный гость и представляет свой народ, его песни. Сильный, чистый голос у Кенена. Мелодия лилась величаво и спокойно.

Кенен смолк и довольно быстро ушел. Все забросали Мухамеджана вопросами.

— Кто этот чудесный певец? У вас в Казахстане все такие красивые?

В тот вечер акын познакомился с Миколой Бажаном и Павло Тычиной.

...Сегодня Кенен и его гости вспомнили все это. Вспомнили, потому что в Казахстане начиналась Декада украинской литературы и искусства. Его друзья прислали казахскому народу свои теплые слова. В Алма-Ату из Киева приехали художники, поэты, артисты. Что ты скажешь им, Кенеке? Ведь ему, не другому, Джамбул подарил свой пояс. Не высохли еще пальцы, не потрескалась домбра и не потух голос. Он,

аксакал в Семиречье, он должен сказать слово. Мысли теснились в голове, строчки просеивались через мелодию, руки тянулись к домбре, а уста нашептывали. Уж показалась неподвижная звезда Темирказык, вспыхнул небосвод тысячами звезд, а Кенен все стоял у яблони в молодом саду, что посадил своими руками. Его несколько раз звали к вечернему дастархану, а он отмалчивался и слушал, как шелестят деревья. Он слушал.

Вот оно! Кажется,
это будет так:
В просторе былых кочевий
У Родины на виду
Сойдемся под сенью деревьев
В яблоневоm саду.

Пусть осень в уборе пестром
И ветер начал свистеть,
Смотрите, братья и сестры,
Как плодоносит степь.

В пути и песнях едина
Большая наша семья.
Я твой, сестра Украина,
Как ты навсегда моя.

Кенен заторопился к дому. Гости встретили его шумно и радостно. Он сел на почетное место, ему подали домбру. Старик бережно взял ее и неожиданно резво ударил по струнам гибкими пальцами.

«Как интересна жизнь! Вы, умеющие читать книги, прочитали ли столько же, сколько я?» — домбра Кенена заставила вспомнить слова старого Джамбула. Акын слышит неслышимое, видит невидимое. Это приносит ему уважение и поднимает в глазах людей. Когда народ не умел ни читать, ни писать, акын был его словом. Неудобная песня вызвала гнев и немилость. Разве султан Баймагамбет не занес саблю над головой Шернияза, а тюре Тезек — над головой Суюмбая, когда акыны отказывались перевозносить их в песнях? Разве царь не пытался в горячих казахстанских песках погубить песню Тараса Шевченко? А он, акын Кенен, может петь во весь голос, он будет славить акына Тараса и его народ, чьи песни — почетные гости на его земле...

Сестра Украина знала:

В степях и песках у нас,
В Прикаспии, у Арала
Томился батько Тарас.
Душой не кривил ни разу,
Учил не бояться грозы.
В аулах поэта Тараса
Прозвали акын Таразы.

Мухамеджан Каратаев, не отрываясь, смотрел на лицо акына, на его чуть подрагивающие веки. Он знал его молодым, когда голос певца был сильным, и на лице его было меньше морщин, и старость не гнула к земле плечи. Он смотрел на него, и ему казалось, что старик молодеет с каждой новой строкой, и голос становится звонче, на лице появляется румянец. Человек молодеет в песне, он жил ею. Акын разговаривал со

своими далекими собеседниками, словно они сидели за одним столом. Рука, как крыло птицы, металась над струнами, взлетала вверх, пальцы застывали у самого кончика уха, чтобы расслабленными и нежными снова упасть на домбру.

Девятый идет десяток...
Я, скромный Кенен-акын,
По праву друга и брата,
По праву моих седин
Гостей, посланцев раздолий,
Днепра, Донбасса, Карпат
Встречаю песней, хлеб-солью
Со всем Казахстаном в лад.

Переводчик сидел, подперев голову ладонями, и, покачиваясь в такт, старался уловить и запомнить ритм. Однако, когда Кенен кончил, он успел первым обнять старика в знак благодарности:

— Хорошо, очень хорошо!

И все люди, которых собралось уже в комнате немало, заплодировали — всем песня пришлась по душе, все они ее приняли. Это то, что они сами сказали бы украинскому народу.

Кенен вышел на улицу, в сад, и за ним вышли остальные. Вокруг Темирказыка медленно поворачивался небосвод. В опустевшей комнате показался трехлетний внук Кенена. В руках у него была маленькая домбра, такая старенькая и вся в заклепках.

— И-ех, — радостно сказал внук, — и-еех! — и ударил ручонкой по струнам.

Вбежала невестка, отобрала домбру и потащила мальчишку спать. Потом осторожно спрятала инструмент в шкаф. На старом сухом дереве ножом было вырезано: «Кішкентай Кенненін домбырасы». Именно на этой домбре маленький Кенен спел почти 70 лет назад своего знаменитого «Бозторгая».

...В день открытия декады послание акына Кенена было напечатано на первой странице киевской газеты. Его прочла вся Украина.

* * *

Нет Кенена, нет Мухамеджана Каратаева, нет Алексея Брагина, нет моего незабвенного отца и некоторых других участников той встречи, свидетелем которой мне довелось быть много лет назад. Но песня живет и по сей день.

25 дек 2004